Елена Арсеньева

Дамы плаща и кинжала

Исторические новеллы о любви

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Кто заподозрит шпионку в прекрасной женщине, которую принимают в высшем обществе или даже при дворе самодержцев? Но именно такие дамы оказывались зачастую самыми надежными агентами – ведь кому, как не обходительной прелестнице приятно поведать свои тайны сильным мира сего?.. А уж способами обольщения и умением напускать тумана и загадочности эти красавицы владели в совершенстве. Некоторые из них так и унесли свои секреты в могилу, а некоторые вдруг столь удивительную карьеру заканчивали – и становились обычными женщинами. Но что оставалось с ними навсегда – это авантюрный дух и стремление убежать прочь от рутины обывательской жизни.Зоя Воскресенская, Елена Феррари, Лиля Брик – о тайной и явной жизни этих и других "дам плаща и кинжала" пойдет речь в захватывающих исторических новеллах Елены Арсеньевой…

- Елена Арсеньева
  - ○
- notes
  - ○
  - ○ 2

Елена Арсеньева
Лисички-сестрички
Лиля Брик и Эльза Триоле

Мир догадок и тайн… Мир коварства и обмана, в котором как рыбы в воде чувствовали себя не только мужчины, но и женщины. Выведать государственную тайну, оказать влияние на политику целой страны или поведение некоего выдающегося человека, организовать убийство императора или полководца – они справлялись с этими заданиями с той же лихостью, что и их коллеги сильного пола.

Их сила была в их слабости.

Виртуозные притворщицы, они порой и сами не могли отличить свою ложь от своей правды. Именно поэтому в эти игры охотно вступали актрисы: каждая из них мечтала об амплуа главной героини интриги! Бывало, впрочем, что и добропорядочные мужние жены, вдруг ощутив в крови неистовый вирус авантюризма, вступали на тот же путь.

Каждая из них вела свою роль под маской невидимки. Великую роль – или эпизодическую, ведущую – или одну из многих. Кто-то из них вызывает восхищение, кто-то – отвращение.

Странные цели вели их, побуждали рисковать покоем, честью, жизнью – своими и чужими. Странные цели, а порою и непостижимые – тем более теперь, спустя столько лет и даже веков. Хотя… ведь было же когда-то сказано, что цель оправдывает средства. Для них это было именно так.

Познакомившись с нашими российскими дамами плаща и кинжала, можно в том не сомневаться.

* * *

Жили-были на свете две лисички-сестрички. Вообще-то рыжей, словно лисичка, была только одна из них – старшая. У младшей были красивые белокурые волосы. Однако люди почему-то, глядя на них двоих, видели только старшую и говорили, что у

сестричек Каган у обеих рыжие волосы. Элла – младшая – не обижалась. Она обожала сестру, которая была старше ее на пять лет [1]. Лиля всегда была главная – самая главная в ее жизни. Лиля была всемогущей…

Как-то раз мама повела девочек в театр. Надо сказать, что они были из зажиточной и культурной еврейской семьи. Отец, Гурий (он предпочитал называть себя Юрий, а впрочем, бог его знает, как он себя предпочитал называть, это его старшая дочка обожала свои инициалы *ЛЮБ* или просто *ЛЮ*, так что, очень может быть, она папу просто перекрестила из Гурия в Юрия, поскольку, согласитесь, *ЛГБ* или *ЛГ* – это уже совершенное не то!) – отец, стало быть, Гурий Каган, был присяжным поверенным, работал юрисконсультом в австрийском посольстве, а заодно мало-мало помогал соотечественникам, которые желали бы жить в Москве, а не в черте оседлости. Что он, что мама девочек, очаровательная Елена Юльевна, были людьми культурными и начитанными, недаром они назвали старшую дочь (которая навсегда первенствовала в их, и не только в их сердцах!) Лили – в честь Лили Шенеман, музы и возлюбленной самого Гёте. Потом уже имя несколько опростилось – девочку стали звать Лиля, но ей, вообще говоря, так даже больше нравилось. Лили – это как бы во множественном числе. А Лиля – она одна. Единственная!

Так вот – семья была и впрямь культурная. Елена Юльевна окончила в свое время Московскую консерваторию по классу рояля. Девочки тоже музицировали, получили хорошее образование, говорили по-французски и по-немецки. И очаровательная мама рано научила их быть очаровательными.

Как-то раз мама с дочками шла по Тверскому бульвару. Вдруг какой-то господин в роскошной шубе остановил своего извозчика и восторженно воскликнул:

– Боже, какие прелестные создания! Я бы хотел видеть вас вместе с ними на моем спектакле. Приходите завтра к Большому театру и скажите, что вас пригласил Шаляпин.

И мама с дочками воспользовались приглашением – для них были оставлены места в ложе.

Может быть, это было. Может быть, нет… Шаляпин в своих мемуарах о сей прелестной истории умалчивает. О ней известно только со слов Елены Юльевны. А кто знает, возможно, именно от нее унаследовали сестрички Лиля и Элла ту страсть к сочинительству, которая донимала их всю жизнь.

Лиля сочиняла свою судьбу. Элла сочиняла романы. И еще неведомо, кто был сочинительницей покруче!

А впрочем, вернемся в тот день, когда малышки с мамой пошли в театр (на сей раз не в Большой, не в гости к Шаляпину, а

в драматический). Самое потрясающее впечатление произвела на сестер некая волшебница, которая взмахивала палочкой, говорила:

– Кракс! – и превращала детей в елку или в разных зверушек.

Лиля просто заболела этим волшебством! Отныне Элле не было от сестры никакого покоя.

– Элла, принеси мне яблоко из столовой, – заявила Лиля.

– Поди и сама принеси, – резонно отвечала Элла.

– Что?!

Лиля хватала, что под руки попадалось, ну хоть отвалившуюся деревянную завитушку от буфета, поднимала ее, приоткрывала рот… и Элла понимала, что сейчас Лиля скажет: «Кракс!», а ее младшая сестра превратится, например, в котенка. И она мчалась за яблоком.

– Элла, сделай то или то!

– Не хочу!

– Не хочешь?

Лиля поднимала завитушку или что там еще…

Наконец мама заметила, что младшая дочка рабски боится старшей, и Лиле здорово влетело. Но можно сказать, что уже тогда она вошла во вкус этого замечательного занятия: повелевать людьми. Правда, спустя некоторое время она уже взмахивала не деревянной завитушкой. Она обзавелась другими волшебными палочками, одной из которых стала ее ослепительно расцветшая женственность.

Через несколько лет одна особа по имени Галина Катанян впервые увидела ту, которая отбила у нее мужа. Звали разлучницу Лиля Брик, и Галина вдоволь наслушалась о ее неземной красоте и обворожительности. Ну и ждала увидеть, конечно, Афродиту какую-нибудь. И вдруг…

«Боже мой! – с изумлением воскликнула покинутая супруга (так она рассказывала, вспоминая свое первое впечатление). – Да ведь она некрасива. Слишком большая для маленькой фигуры голова, сутулая спина и этот ужасный тик. – Но трезвое восприятие длилось всего лишь несколько секунд. – Потом… Она улыбнулась мне. Все лицо как бы вспыхнуло этой улыбкой, осветилось изнутри. Я увидела прелестный рот с крупными, миндалевидными зубами, сияющие, теплые, ореховые глаза. Маленькие ножки, изящной формы руки».

То же сказочное превращение злобной ведьмы в красавицу. «Закрой глаза и открой глаза»…

Галина Катанян стала верной подругой и преданной рабыней Лили Юрьевны до конца жизни. В такого же раба они вместе превратили Василия Катаняна-младшего, сына Галины. Он

написал восхищенную книгу о жизни Лили Брик – такие книги пишутся или от большой любви, или по серьезному заказу. Но невозможно не признать правды – ее любили мужчины. Любили безумно, отчаянно, верно и преданно. Она… она не любила никого, хотя и уверяла многих, что любит. Даже Осип Брик – мужчина ее жизни, как она называла мужа, – был, конечно, не возлюбленным, а именно руководителем ее жизни.

Конечно, Лиля была гениальной *женщиной*. Прекрасно понимая, что сама по себе она ничего не стоит – ну очаровашка, ну и что? – она видела и сильные, и слабые стороны свои. Она умела властвовать над мужчинами, но над кем властвовать конкретно? Над какими именно мужчинами? Как делать это так, чтобы они становились ее рабами и несли ей в клювике плоды своих трудов, чтобы ползали перед ней на коленях, не боясь протереть штучные брюки?

В своих воспоминаниях она потом опишет встречу с какой-то Любовью Викторовной: «Я ее спросила: «Любовь Викторовна, говорят, вы с мужчинами живете за деньги?» – «А что, Лиля Юрьевна, разве даром лучше?» Этот урок она запомнила на всю оставшуюся жизнь. За деньги – но опять же с кем?

Лилю должен был кто-то научить умению выбирать добычу. Осип (Ося) и стал таким учителем. Он отлично понимал, кем и за что надо владеть и как манипулировать. Однако сам по себе мелкий юрист и франтик Ося Брик и бездомную собаку не привлек бы к себе дольше, чем на то время, которое понадобилось ей, чтобы вылакать предложенную им чашку супа. Невкусного, пресного, постного, который можно проглотить лишь с великой голодухи… Но у него была Лиля – вот уж воистину, выражаясь языком современным, spicy girl [2], соль и перчик враз, а также кокаин, к которому привыкали, к которому тянулись, на который накрепко подсаживались, отсутствие которого частенько становилось смертельным. Многих мужчин умудрилась эта парочка повергнуть к Лилиным ногам (а у нее и впрямь были достойные этого, прелестные ноги, которые она всегда обтягивала самыми что ни на есть дорогими шелковыми чулочками, иногда даже красными, и тщательно, даже кокетливо обувала их, уверенная, что главное в женщине – это взгляд, хорошее белье и дорогие туфли). Но, конечно, ее главной добычей был и остается великий поэт XX века Владимир Маяковский.

Самое смешное, что сначала заарканила его вовсе не кареглазая, яркая Лиля, а ее беленькая голубоглазая сестра – вечная вторая скрипка в этом семейном оркестрике.

Эльза (вообще говоря, ее звали Элла, Эльзой она стала лишь во Франции, где провела большую часть жизни, но как Лили

сделалась Лилей, так Элла пусть уж будет Эльзой) всегда любила поэзию. И не случайно, повзрослев, с восторгом посещала поэтические вечера декадентов, символистов и, наконец, футуристов. На одной из молодежных вечеринок она познакомилась с Владимиром Маяковским.

«В гостиной, где стояли рояль и пальма, было много молодых людей. Все шумели, говорили. Кто-то необычайно большой в черной бархатной блузе размашисто ходил взад и вперед, смотрел мимо всех невидящими глазами и что-то бормотал про себя. Потом внезапно загремел громким голосом. И в этот первый раз на меня произвели впечатление не стихи, не человек, который их читал, а все это, вместе взятое, как явление природы, как гроза…» – так опишет Эльза ту первую встречу.

Огромная атлетическая фигура, несусветная одежда, бритая голова, рокочущий голос. И стихи, первые же строки которых выдавали: вот настоящий поэт.

Вы думаете, это бредит малярия?
Это было.
Было в Одессе…

Узнаете начало поэмы «Облако в штанах»? Она написана под впечатлением любви Маяковского к Марии Денисовой, которая разбила его сердце, с которой он никогда не знал, как себя вести:

Хотите – буду от мяса бешеный?
И как небо, меняя тона,
Хотите – буду безукоризненно нежный:
Не мужчина, а облако в штанах!

Все в нем вызывало изумление Эльзы, привыкшей в публике рафинированной – вроде Лилиного Оси. Это изумление постепенно переросло в восхищение и влюбленность. И она привела еще никому не известного поэта в дом. В семье Каган он вызывал лишь раздражение, принимали его здесь довольно холодно: как поясняла Лиля, «папа боялся футуристов».

«Его гениальность была для меня очевидна», – напишет Эльза в своих воспоминаниях. Ну что ж, она была очень чутка к проявлениям подлинного таланта! Умела угадывать поистине одаренных, неординарных мужчин. Владимир Маяковский, Василий Каменский, Роман Якобсон, Виктор Шкловский, Луи Арагон – она любила их, они любили ее, а главное – они восхищали ее, поэтому она их и любила.

Но вернемся к ее слегка забрезжившему роману с Маяковским. Пытаясь найти для него защитника в собственной семье, Эльза познакомила Владимира с сестрой и ее мужем. И вот тут-то чутье ее подвело. Просто клинически подвело! Потому что она мгновенно потеряла своего возлюбленного. А он потерял голову, сердце, себя, лишь только поглядел в темно-карие томные глаза Лили.

Искусствовед Н. Пунин, будущий муж Анны Ахматовой, записал в дневнике после встречи с Лилей Юрьевной: «Зрачки ее переходят в ресницы и темнеют от волнения; у нее торжественные глаза; есть наглое и сладкое в ее лице с накрашенными губами».

«Маяковский безвозвратно полюбил Лилю», – признала Эльза.

Родные Маяковского, его мать и сестры, вспоминали о первых годах знакомства его с Бриками: «Он был молод, неопытен, честен. Только что пережил несчастную любовь к Марии Денисовой. (Исход этой любви передан в поэме «Облако в штанах».) А тут появилась Лиля Брик (1915 год). Она была старше летами и опытнее в жизни. Приласкала его, а он за ласку готов был отдать все. И действительно отдал…»

Для начала он перепосвятил ей «Облако в штанах».

Ну что ж, можно всяко костерить Лилю (и есть за что!) – однако невозможно отрицать этой его ошалелой, щенячьей (не зря у Маяковского было прозвище Щен), безумной любви к замужней, взрослой, опытной женщине.

Однажды они гуляли около порта, и Лиля удивилась, что корабли не дымят.

– Они не смеют дымить в вашем присутствии…

Это было только начало. А потом:

> Версты улиц взмахами шагов мну.
> Куда уйду я, этот ад тая!
> Какому небесному Гофману выдумалась ты, проклятая?!
>
> …Делай, что хочешь.
> Хочешь четвертуй.
> Я сам тебе, праведный, руки вымою.
> Только – слышишь! – убери проклятую ту, которую сделал моей любимой!

Лиля Брик была его счастьем и мучением, была его каторгой и наркотиком, от которых он и хотел, но не мог избавиться.

Нельзя также отрицать, что и она влюбилась. Ну как его было не любить, если Ося сказал, что он – гений!

Осип Брик, как меценат, покупал его стихи по пятьдесят копеек за строчку, помогал ему в публикациях. Маяковский долго считал себя обязанным… Он хоть и бравировал непонятностью своей поэзии, хоть и любил повторять из Уильяма Блейка: «То, что может понять каждый дурак, меня не интересует!» – а все же страшно боялся быть непонятым, непринятым. И поддержка Брика для него очень много значила. Господи, как же они умели дурить людям головы, эти Брики, если Маяковский радостно согласился на жизнь втроем… потом даже в одной квартире. Он ревновал Лилю даже к первой брачной ночи с Осипом – и он бесился, представляя, как эта пара – вроде в разводе! – тайком иногда совокупляется под стеганым одеялом:

Если вдруг прокрасться к двери спаленной,
перекрестить над вами стеганье одеялово,
знаю – запахнет шерстью паленной,
и серой издымится мясо дьяволово.

Нет, тут было далеко до той идиллии, которую позднее пыталась нарисовать Лилик в своих отредактированных Осей воспоминаниях! Очень скоро отношения этого трио начали напоминать отношения сутенера, проститутки и клиента, на котором они зашибают деньгу, который их содержит, которым они, как тараном, прошибают двери… Известный журналист Михаил Кольцов (позднее расстрелянный) говорил, что «Брики всю жизнь паразитировали на Маяковском».

Сами они додумались до того, чтобы сделать из Маяковского великого пролетарского поэта, или выполняли задание ОГПУ, на которое работали на пару, по-семейному? Ну что ж, у товарищей как раз в это время сорвалась афера с Буревестником, которому осточертело быть великим пролетарским писателем, и он, еле волоча крылья, улетел за границу. Теперь был срочно нужен великий пролетарский поэт, который не только восхвалял бы – «Хорошо!» – деянья революции, но и умел красиво агитировать заграницу в пользу революции.

О, трудно представить себе, как тогда люди творческие мечтали о заграница! Однако это была премия, которая выдавалась только избранным. И можно было в ту пору не сомневаться: если человек «выездной», значит, он – негласный сотрудник ОГПУ. Мама Лили и Эльзы работала в советском торгпредстве в Лондоне – и, что характерно, ее пристроила туда старшая дочь, в числе любовников которой был знаменитый чекист Яков Агранов – «Аграныч», как его ласково называли Брики.

«Когда власти запретили всю культуру, они оставили только салон Бриков, где были бильярд, карты и чекисты», – так об их доме позднее напишет Анна Ахматова.

Маяковский всю жизнь был не слишком-то далеким мальчишкой, родившимся в Тифлисе. Хулиган, откровенный хулиган. Лиля его приохотила, как к наркотику, к особенному положению избранного существа, которое не как все, которое не жрет что попало, а только самую дорогую и вкусную еду, у которого всегда есть деньги эту еду покупать, которое шикарно одевается и может одевать свою возлюбленную подругу. Лилины письма к Маяковскому за границу изобилуют заказами, подробным описанием чулок, платьев, духов и… автомобилей. О, покупка для Лилечки «Рено» в Париже в 1928 году (голод в Поволжье, на Украине, в стране карточки!) – это просто поэма…

И постепенно Владимир Владимирович усвоил как «Отче наш», что «всем лучшим во мне я обязан Лиле» (перефразируя Горького).

Да, а как в это время поживала вторая сестра? С ней-то что приключилось?

Эльза, которая страдала-таки от разбитого Маяковским и Лилей сердца, сочла за благо убраться подальше от сестры-соперницы. В 1918 году она познакомилась с офицером из французского посольства Андре Триоле, вышла за него замуж и укатила на Таити, покинув голодную и холодную Россию. Эльзы Каган больше не было – появилась Эльза Триоле. В одном из первых писем она писала Лиле:

«Андрей, как полагается французскому мужу, меня шпыняет, что я ему носки не штопаю, бифштексы не жарю и что беспорядок. Пришлось превратиться в примерную хозяйку… во всех прочих делах, абсолютно во всех – у меня свобода полная…»

Два года, проведенные на Таити в образе примерной хозяйки, довели Эльзу до исступления. Она хотела быть музой великого человека, подобно сестре, а тут что такое? Все эти мучения и терзания легли в основу ее первого романа «На Таити», написанного в 1925 году. Да-да, Эльза сама решила стать писательницей!

В 1920 году супруги Триоле вернулись в Париж, но вскоре расстались. Эльза сохранила фамилию мужа – уж всяко лучше быть Триоле, чем Каган!

Некоторое время она провела в Лондоне рядом с мамой. Та устроила ее на работу в архитектурную мастерскую (еще в Москве Эльза как-то мимоходом получила диплом архитектора). Потом в Лондон приехала Лиля и серьезно поговорила с сестрой, пояснив,

что она не тем занимается в жизни.

Лиля в это время уже была привлечена своим мужем к работе в ОГПУ. И вместе с мамой завербовала младшую сестренку. Задание ей было определено такое: жить среди русских эмигрантов, стучать на них, елико возможно, а также присматриваться к настроениям молодой германской и французской интеллигенции.

Приятная работа, это же то, чего ты всегда хотела, сестренка, – жить среди талантливых людей, быть в курсе их творческих замыслов… влиять на эти замыслы… И еще деньги за это получать! «А разве без денег лучше, Эльза Юрьевна?» Что-нибудь в таком роде наверняка говорила Лиля.

– Не лучше, – согласилась Эльза и отправилась в Берлин.

В то время он тоже был центром русской эмиграции, как и Париж. В 1923 году в Берлине жили чуть ли не триста тысяч русских. Только типографий и издательств, которые выпускали русские газеты и книги, имелось около восьмидесяти. Прямо скажем, было с кем знакомиться!

Эльза познакомилась с Виктором Шкловским. Будущий известный прозаик и литературовед без памяти влюбился в нее. Он просто сгорал! «Люблю тебя немыслимо, – писал Шкловский Эльзе. – Прямо ложись и помирай».

Эльза, впрочем, держала его на расстоянии. Этим неопределенным отношениям Шкловский посвятил «Zoo» – роман, в который он включил письма Эльзы. Существует легенда, будто Горький, прочитав в романе ее письма, и посоветовал ей заняться литературным творчеством.

Может, и так оно было. Но Эльза уже сама занялась литературным творчеством, и без его благословения, потому что поняла: она должна стать не просто какой-то девочкой для общего употребления в кругах парижских литераторов (она опять перебралась в 1924 году в Париж), а сделать себе литературное имя! Тогда вокруг нее сами станут увиваться те, кого ей нужно было «разрабатывать».

В Париже ее опекал художник Фернан Леже – сугубо «наш человек». Поселившись в недорогом отеле на Монпарнасе, Эльза радостно окунулась в бурную парижскую жизнь. Однако что-то никак не удавалось ей выполнить задание, а попытки пристроиться к кому-либо из понравившихся писателей или поэтов не принесли никакого успеха. Эльза пишет в дневнике: «Мне 28 лет, и я надоела сама себе».

Несколько раз она съездила в Москву. Опять же эта свобода передвижения, которой пользовались сестры и Ося, просто поразительна для того времени!

В Москве Эльза получила в ОГПУ два абсолютно конкретных задания: опекать в Париже Маяковского и познакомиться с многообещающим поэтом и писателем Луи Арагоном. Это – очень талантливый человек, он вполне достоин того, чтобы стать очередным великим пролетарским писателем и защитником-проповедником-ревнителем идеалов коммунизма на Западе. Выполняйте, товарищ Триоле!

В 1924 году в Париж впервые прибыл Маяковский. «С ним приехали моя юность, моя Родина, мой язык», – напишет Эльза. Первое задание выполнить было легко: они с Маяковским виделись каждый день, Эльза стала его переводчиком, водила по музеям, гуляла вместе с ним по улицам, сидела в кафе, приводила и в мастерские художников. Теперь уже она читает ему свои первые литературные пробы… Более того: ей удалось на одну ночь взять реванш за те прежние годы, когда ее обошли на вороных, но она тотчас спохватилась: нельзя мешать сестре, безусловно, старшей по званию. А то скажет Лиля: «Кракс!» – и что тогда станется с бедной Эльзой? Опять нищета? Она уже усвоила, что литературным трудом – в смысле, ее собственным литературным трудом – в Париже не проживешь.

Поэтому одной ночью все ограничилось.

С Арагоном же пока вообще ничего не удавалось добиться. («Он был очень худой и очень красивый, даже слишком красивый. И это делало его слишком похожим на молодых людей, которых можно было встретить в кафе «Куполь».) Да, в это время эпатажный поэт-сюрреалист вовсю увлекался мальчиками, хотя, строго говоря, был вполне гетеросексуален.

Соперничать Эльзе пришлось бы также с Нанси Кюнар, сумасбродной дочерью богатого английского судовладельца, которая пыталась отбить Арагона у его мальчишек. Поэтому начинающая писательница Триоле сделала шаг вперед и два назад – и затаилась в засаде времени, присматриваясь к объекту и изучая его.

Отец поэта, служивший одно время во французском посольстве в Мадриде, дал внебрачному сыну фамилию по имени испанской провинции – Арагон. Двадцатилетним студентом Луи оказался в окопах Первой мировой войны, и это заставило его возненавидеть тот миропорядок, для установления которого требуются войны. При этом (уже значительно позже, в 1961 году) на вопрос анкеты: «Каким бы я хотел быть?» – Арагон ответил: «Достаточно сильным, чтобы своими руками переделать мир».

Начав писать стихи, Арагон встретил единомышленников – они хотели создать новую, антибуржуазную культуру и начали с разрушения старой. Это были сюрреалисты: Тристан Тцара, Жан

Кокто, Андре Бретон, Поль Элюар, Робер Деснос (люди, прославленные и творчеством, и, увы, нетрадиционными пристрастиями).

Как удивительно разошлись потом их пути… Бретон пошел за Троцким, Арагон оказался в сталинистах. Cherchez la femme!

Но это в будущем. А пока стало известно, что Арагон вступил в коммунистическую партию. И спустя некоторое время в Париж спешно приехал Маяковский – Эльза сообщила сестре, что насчет Арагона пора ковать железо, но без Володи это вряд ли удастся сделать.

Гениальный стратегический ход!

4 ноября 1928 года в баре «Куполь», который находится и ныне на бульваре Монпарнас, возле бульвара Распай, к Арагону подошел молодой человек:

– Месье Арагон, поэт Владимир Маяковский приглашает вас к себе за столик.

На другой день новые друзья играли в кости. В бар вошла Эльза Триоле, Маяковский познакомил ее с Арагоном. «Агент влияния» товарищ Триоле приступила к выполнению основного задания своей жизни…

В глубинах глаз твоих, где я блаженство пью,
Все миллиарды звезд купаются, как в море.
Там обретает смерть безвыходное горе,
Там память навсегда я затерял свою.
И если мир сметет кровавая гроза,
И люди вновь зажгут костры в потемках синих,
Мне будет маяком сиять в морских пустынях
Твой, Эльза, дивный взор, твои, мой друг, глаза.

Это стихи Луи Арагона, которые так и называются – «Глаза Эльзы». Ну наконец-то! Сбылась заветная мечта – она стала музой поэта!!!

Боже, до последнего мгновенья…
Сердцем бледным и лишенным сил
Я неотвратимо ощутил,
Став своею собственною тенью.
Что случилось? Все! Я полюбил.
Как еще назвать мое мученье?

Эльза добилась своего. Ее подопечный полюбил ее. Арагон даже начал изучать русский язык! Как иронично замечали его

друзья, из-за ревности – чтобы понимать, о чем она говорит с другими.

Жили они непросто. Афишировать русскую зарплату Эльзе было нельзя. Раньше она уверяла, что существует на деньги, которые присылает муж. Но теперь она замужем за другим, и за спину Триоле не спрячешься. А на литературные заработки Арагона едва ли можно было прожить. Ей необходимо было, говоря современным языком, «отмыть» собственную зарплату.

Она всегда была мастерицей и обладала великолепным вкусом – так же, как и Лиля, которая из ситцевых платков шила чудесные платья и носила их так, что русско-французская модельерша Наталья Ламанова приглашала ее демонстрировать свои модели, а Ив Сен-Лоран считал ее одной из самых элегантных женщин на свете. Эльза начала делать ожерелья на продажу – из ракушек, дешевого жемчуга, металлических колец, пуговиц, кусочков отделочной плитки и даже… из наконечников от клизм. Парижанкам понравились необычные и недорогие ожерелья. Арагон помогал, как мог: разносил образцы бижутерии, пытался найти оптовых покупателей. И тут – счастливый случай. Американскому корреспонденту журнала «Vogue» так приглянулись изделия Эльзы, что он рекомендовал их знаменитым домам мод, таким, как «Пуарэ», «Скьяпарелли» и «Шанель».

Популярность «Ожерелий Триоле» оказалась фантастической. Порою Эльзе приходилось ночи напролет сидеть за работой, чтобы в срок выполнить заказы. Она хорошо зарабатывала, стала своей в мире моды. Позднее Эльза Триоле описала это в книге «Ожерелья» – на русском языке.

А вообще-то она работала на французском. Сначала переводила с русского, а затем сама принялась писать свое. И не понимала, почему ее печатают во Франции: потому ли, что она, Эльза Триоле, – талантливая писательница, или потому, что она «бездарная возлюбленная Арагона». Это едкое замечание французских критиков сопровождало ее всю жизнь. И не только это. После многочисленных ее поездок с Арагоном в Советскую Россию французская печать обвинила Эльзу в том, что она – агент чекистов.

Арагон впервые приехал в СССР в тридцатом. Он восхитился строительством ДнепроГЭСа, участвовал в Харьковской международной конференции пролетарских писателей и создал поэму «Красный фронт». В тридцать втором он приехал в СССР снова, на сей раз побывал на Урале и написал книгу «Ура, Урал!». В 1934-м он выступил с приветствием на Первом съезде советских писателей, а в 1935-м в Париже вышла его книга «За

социалистический реализм». И постоянно при нем была Эльза… даже когда он приехал повидать Горького – и угодил на его похороны. Французы обвиняли ее в жажде славы и холодном расчете по отношению к талантливому Арагону, ненавидели за ее влияние на писателя, говорили, что она манипулирует молодым поэтом, превратившимся в дальнейшем в автора романа-эпопеи «Коммунисты».

Однако пока что мы еще в 1928 году. До всего этого еще далеко. Пока что идет большая игра, ставками в которой – два замечательных поэта.

Во время наездов Маяковского во Францию Эльза по-прежнему была его переводчицей и гидом. Как замечал Маяковский, он говорил в Париже исключительно «на языке Триоле». То есть она была с ним постоянно. И именно на ее глазах произошла роковая встреча Маяковского с Татьяной Яковлевой.

> Ты не думай, щурясь просто из-под выпрямленных дуг.
> Иди сюда, иди на перекресток моих больших и неуклюжих рук.
> Не хочешь?
> Оставайся и зимуй, и это оскорбление на общий счет нанижем.
> Я все равно тебя когда-нибудь возьму – одну или вдвоем с Парижем.

Стихотворение называется «Письмо Татьяне Яковлевой», и оно написано вскоре после их знакомства 25 октября 1928 года. Маяковский только что вернулся из Ниццы, где встречался с американкой русского происхождения Элли Джонс (девичья ее фамилия Алексеева), матерью его маленькой дочери, родившейся в Нью-Йорке в 1926 году.

Эльза Триоле пригласила Татьяну на чай. Та вообще-то не хотела ехать – плохо себя чувствовала. Но появилась все же, и Маяковский сразу произвел на нее огромное впечатление: элегантен, обаятелен, неотразим.

Вскоре Татьяна собралась уходить – ей надо было к доктору. Маяковский вызвался ее проводить. «В такси он неожиданно сполз с сиденья, как бы опустился на колени, и стал с жаром объясняться в любви. Эта выходка, – рассказывала Татьяна, – меня страшно развеселила. Такой огромный, с пудовыми кулачищами и ползает на коленях, как обезумевший гимназист. Но смеяться я не могла, боясь раскашляться. Как только мы подъехали к дому

врача, я ласково с ним попрощалась. Он взял с меня слово – обязательно увидеться завтра. Я согласилась. С тех пор мы не расставались вплоть до его отъезда».

А вот как об этой встрече писала Эльза Триоле: «Я познакомилась с Татьяной перед самым приездом Маяковского в Париж и сказала ей: «Да вы под рост Маяковскому». Так из-за этого «под рост», для смеха, я и познакомила Володю с Татьяной. Маяковский же с первого взгляда в нее жестоко влюбился».

Действительно, Татьяна была очень высокой – 178 см. Именно поэтому она редко носила туфли на каблуках, хотя ноги у нее были поразительной красоты. С этим связан один забавный случай. Однажды у знаменитой Марлен Дитрих американский корреспондент спросил, правда ли, что ее ноги считаются самыми прекрасными в мире. Марлен ответила: «Так говорят. Но у Татьяны лучше».

Татьяна жила в Париже у своего дяди, известного художника. У нее были самые разнообразные знакомства: как богемные, так и великосветские. Например, в нее был влюблен виконт Бернар дю Плесси, а в монпарнасских кафе она танцевала с Александром Вертинским и болтала с Жаном Кокто, Андре Жидом, Кристианом Бернардом, Борисом Кохно, Сергеем Прокофьевым, князем Феликсом Юсуповым. Как-то ей даже пришлось выступить в роли спасительницы Кокто и Марэ, когда их арестовала полиция нравов в одном из отелей Тулона. Узнав об этом, Татьяна вместе со своей подругой Еленой Десофи заявила в полицейском участке, что с Жанами их связывает не просто дружба, а более интимные отношения. Мужчин отпустили, решив, что такие девушки не могут врать.

Ого, еще как могут!

После знакомства Маяковский и Яковлева стали неразлучны. Владимир был истинно влюблен, Татьяна – очень увлечена. Хотя и не решалась еще сделать выбор. «У меня сейчас масса драм, – писала она матери. – Если бы я даже захотела быть с Маяковским, то что стало бы с Илей, а кроме него, есть еще двое. Заколдованный круг».

И все же настоящая драма состояла не в этом. Маяковский, задумав жениться, предполагал увезти Татьяну в Москву. Он подробно рассказал ей о своем сожительстве с Бриками в Гендриковом переулке, но уточнил, что у него есть еще комната, вернее, рабочий кабинет, в Лубянском проезде. История с Бриками Татьяну изрядно смущала, а потом просто напугала, когда Маяковский начал таскать ее по автосалонам, чтобы выбрать Лилечке в подарок именно такой «Рено» и именно такого цвета, о котором она мечтала…

И все же Татьяна была почти влюблена. Еще бы! Маяковский умел ухаживать, как никто! Он, к примеру, договорился в цветочном магазине, чтобы каждую неделю ей домой доставляли цветы с приколотой запиской – каждому букету свое четверостишие. Всего их было пятьдесят четыре.

Через два месяца он вернулся в Париж. Но прежде в Гендриковом переулке разразился жуткий скандал. Случилось это после публикации стихотворения «Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви».

Оно было посвящено Татьяне Яковлевой.

Лиля Брик восприняла публикацию как оскорбление: впервые за все годы совместного существования лирические стихи посвящены не ей! Жуткие крики, обвинения в предательстве…

Е. А. Лавинская, которая близко знала Маяковского и Бриков, писала: «Еще в 1927 году поэт собрался жениться на одной девушке, что очень обеспокоило Лилю… Она ходила расстроенная, злая, говорила, что он (Маяковский), по существу, ей не нужен, он всегда скучен, исключая время, когда читает стихи, но я не могу допустить, чтобы Володя ушел в какой-то другой дом, да ему самому это и не нужно…»

Была еще другая история. Сложились любовные отношения у Маяковского с Н. А. Брюхоненко. И Лиля писала ему в Крым: «Володя, я слышала, что ты хочешь жениться. Не делай этого. Мы все трое (т.е. Маяковский, она и Ося) женаты друг на друге, и больше жениться нам грех…»

Разумеется, теперь она с ума сходила от злости и ревности!

Да и в Париже не все пошло гладко. Эльза, испуганная результатом своего неожиданного «сводничества», уши прожужжала Володе о количестве Таниных поклонников и женихов.

И все же в очередной его приезд Маяковский и Яковлева простились только до осени, чтобы уж потом не расставаться никогда.

Но случилось так, что они больше никогда не увиделись! В Москве Маяковский начал подготовку к грандиозной выставке «20 лет работы…», закончил пьесу «Баня», которую читал в Театре Мейерхольда, принял участие в работе конференции РАПП. И одновременно подал ходатайство на очередную поездку во Францию. Сдал в редакцию журнала «Огонек» «Стихи о советском паспорте» – нечто вроде клятвы в верности Родине, партии. Но рукопись пролежала на столе редактора девять месяцев и была опубликована только после смерти поэта, а вместо разрешения на выезд ему пришел короткий отказ.

Маяковский обратился в ОГПУ, к бывшему ответственному

редактору «Известий» И. Гронскому, с просьбой похлопотать о визе во Францию. Опять отказ.

Наверху сочли вредной для интересов страны женитьбу крупного советского поэта на белоэмигрантке. Боялись, что Маяковский возьмет да и останется в Париже. И Агранов по просьбе семьи Брик, не желавшей терять кормильца, затормозил выдачу визы.

Маяковский об этом не догадывался, все надеялся, что визу дадут. Наконец 11 октября 1929 года в Гендриков переулок пришло письмо от Эльзы.

«Володя ждал машину, он ехал в Ленинград на множество выступлений, – потом описывала все это Лиля Брик. – Я разорвала конверт и стала, как всегда, читать письмо вслух. Вслед за разными новостями Эльза писала, что Т. Яковлева, с которой Володя познакомился в Париже и в которую еще был по инерции влюблен, выходит замуж за какого-то, кажется, виконта, что венчается с ним в Париже, в белом платье, с флердоранжем, что она вне себя от беспокойства, как бы Володя не узнал об этом и не учинил бы скандала, который ей может навредить и даже расстроить брак. В конце письма Эльза просит по всему этому ничего не говорить Володе. Но письмо уже прочитано…»

А между тем Татьяна тогда еще не венчалась с виконтом. И она отправила письмо Маяковскому, где спрашивала, что ей делать. Письмо пропало, Маяковский не ответил…

Куда пропало столь важное для него письмо?

Не Лилечка ли его заиграла?

Она по-прежнему пребывала в состоянии жуткой ярости из-за открывшегося непослушания верного Щена. Точно так же лютовал на нее Ося, на которого, в свою очередь, топал ногами товарищ Агранов.

Щен срывался с поводка, и нужно было показать ему, что он – всего лишь пес при хозяевах.

И показали…

Теперь все публикации Маяковского встречала неистовая злоба.

И. Эренбург утверждал, что в стихах поэта «слышатся одни, конечно, перворазрядные барабаны». К. Чуковский уверял, будто «его пафос – не из сердца, и нет у него чувства родины».

После публикации стихотворения «Прозаседавшиеся» и особенно поэмы о Ленине на Маяковского навалилась целая толпа партийных критиков, возглавляемая Л. Троцким.

Л. Сосновский начал кампанию под лозунгом: «Довольно Маяковского». Н. Коган заявил: «Он чужд нашей революции». А. Лежнев называл поэта «холодным ритором и резонером». А.

Воронский писал: «Социализм Маяковского – не наш марксистский социализм, это скорее социализм литературной богемы».

Модным стало повторять вслед за Троцким о «кризисе Маяковского». К. Зелинский опубликовал статью «Идти ли нам с Маяковским», где писал: «Безвкусным, опустошенным и утомительным выходит мир из-под пера Маяковского… к новому пониманию революции можно прийти, уже перешагнув через поэта».

Его стихи называли «рифмованной лапшой» и «кумачевой халтурой», «перо Маяковского совсем не штык, а просто швабра какая-то…». В травле участвовали Носимович-Чужак, Гросман-Рощин, А. Горфельд, Л. Авербах, М. Янковский, В. Ермилов, В. Перцев, С. Дрейден, поэт Семен Кирсанов…

Свою выставку-отчет «20 лет работы» Маяковский готовил почти в одиночестве. Лиля вспоминала, что в «этой затее ему помогала какая-то Зина Свешникова и какие-то неизвестные «мальчики».

А Брики где же были? Они уехали за границу, истомленные отчаянием «кормильца». То ли дали ему время прийти в себя, то ли… То ли Лилечка, как жена Цезаря, должна была остаться вне подозрений?

17 апреля 1930 года, в день похорон Маяковского, в выпусках «Литературной газеты» и «Московской правды» появилась статья все того же Михаила Кольцова, в которой было сказано: «Нельзя с настоящего, полноценного Маяковского спрашивать за самоубийство. Стрелял кто-то другой, случайный, временно завладевший ослабленной психикой поэта-общественника и революционера. Мы, современники, друзья Маяковского, требуем зарегистрировать это показание».

Овладели его сознанием… Писатель Анатолий Виноградов рассказывал, как однажды Агранов зло, издевательски подшучивал над Маяковским: «Вот ты там в «Флейте-позвоночнике» говоришь, но ведь вы, поэты, любите похвастаться словцом, а на деле вы трусы». Маяковский что-то буркнул обиженно в ответ. Агранов продолжал подначивать его. Потом вынул револьвер и подал Маяковскому со словами:

– На вот, посмотрим, какой ты храбрый, хватит ли у тебя смелости поставить пулю в своем конце.

Маяковский взял револьвер и ушел с ним.

Поэт Николай Асеев, друг Маяковского (он даже носил в литературных кругах прозвище Соратник за преданность поэту), вспоминал, что, приехав на квартиру Маяковского в день его гибели, встретил там Агранова, который отвел его в другую

комнату и прочел предсмертное письмо, не дав его в руки.

Странно, что письмо было написано за два дня до рокового выстрела.

Вот оно:

«Москва. 12 апреля 1930 года.

Всем.

В том, что умираю, не вините никого и, пожалуйста, не сплетничайте. Покойник этого ужасно не любил.

Мама, сестры и товарищи, простите – это не способ (другим не советую), но у меня выходов нет.

Лиля, – люби меня.

Товарищ правительство, моя семья – это Лиля Брик, мама, сестры и Вероника Витольдовна Полонская.

Если ты устроишь им сносную жизнь – спасибо.

Начатые стихи отдайте Брикам, они разберутся.

Как говорят -

«инцидент исперчен».

Любовная лодка разбилась о быт.

Я с жизнью в расчете и не к чему перечень взаимных болей, бед и обид.

Счастливо оставаться.

Владимир Маяковский».

Дальше следовало несколько приписок. Маяковский сводил счеты с литературными противниками и отдавал денежные распоряжения.

С Вероникой Полонской его познакомили Брики – это был противовес парижской любви. Женившись на Веронике (ее чаще называли Нора), он остался бы управляем Лилей, как прежде. Он сам хотел жениться, хотел покоя. Однако Нора была замужем…

Вот что писала она о последней встрече с измученным поэтом:

«Маяковский хотел, чтобы я была счастлива, но с ним и только с ним. Или ни с кем больше. Никак он не заботился о сохранении приличий, о сохранении моего семейного быта. Наоборот, он хотел все взорвать, разгромить, перевернуть, изничтожить».

Она твердила свое: ей надо поговорить с мужем. На том и расстались в тот роковой день. Маяковский поцеловал Нору, попросил не беспокоиться и сунул двадцать рублей на такси.

Полонская вышла, однако не успела дойти до парадного, как раздался выстрел. «У меня подкосились ноги, я закричала и металась по коридору: не могла заставить себя войти…

Владимир Владимирович лежал на ковре, раскинув руки. На

груди было крошечное кровавое пятнышко».

На следующий день его предсмертное письмо опубликовала главная газета страны «Правда».

…В день гибели Маяковского некий молодой чекист дежурил на Лубянке и в числе первых прибежал к месту трагедии – квартира поэта рядышком, по соседству. Он видел лестницу, приставленную к окну с торца дома. Потом, когда он вернулся из квартиры на улицу, лестницы уже не было. Между тем окно располагалось очень высоко, и стремянка была столь длинной, что одному человеку ее уж точно было не унести. В тот же день он написал отчет, в котором высказал предположение, что неизвестные могли проникнуть в дом по этой стремянке, причем их должно быть трое, а то и четверо – очень сильных физически, иначе стремянку не принести. И куда она делась потом, непонятно, ведь ее должны были куда-то оттащить, куда-то совсем недалеко, и там спрятать.

Назавтра проницательный молодой службист был отправлен в Забайкалье. Спустя много лет, встретившись в командировке с бывшим сослуживцем, чекист понял, что его бросили служить так далеко от Москвы за ту злополучную лестницу.

Кстати, сразу после гибели Маяковского были приняты меры, чтобы исключить всякую последующую возможность судебно-медицинской экспертизы. Тело было кремировано. Родственникам не разрешили похоронить поэта по-христиански.

После смерти Маяковского Брики вернулись из-за границы, и Лиля стала называть себя «вдовой Маяковского». Ведь это «звание» давало право на литературное наследие поэта.

Однако наследие оказалось не слишком-то прибыльным наследством. Травля накануне смерти возымела действие: печатать Маяковского боялись. Тогда Лиля, окончательно обезденежев, написала письмо Сталину с жалобой на то, что Маяковский – поэт революции, поэт советской эпохи – совсем забыт, что его не издают…

В том, что письмо дошло до вождя – легло ему на стол! – прямая заслуга Агранова. Тут же была наложена высочайшая резолюция, которую знал в свое время каждый школьник: «Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи».

Каждый школьник, увы, не знал, что авторство сей строки целиком и полностью принадлежит Лиле Брик. Как, впрочем, и львиная доля гонораров за переиздания всех произведений Маяковского.

Когда-то, в восемнадцатом году, он принес опухающей от голода Лиле две морковки. Редчайшая драгоценность в то

время… Он и мертвый продолжал заботиться о ней.

Вернее, и мертвый был принуждаем заботиться о ней!

«15 апреля утром, когда мы еще спали на антресолях у себя на улице Кампань-Премьер, нас разбудил стук в дверь, – вспоминал позднее Арагон. – Кто-то крикнул с лестничной площадки два слова по-русски. Я не понял, что он сказал, но Эльза вскрикнула так страшно, что я соскочил с кровати, а она твердила мне одно слово: «Умер, умер, умер…» Не нужно было говорить, о ком идет речь».

Некоторое время спустя Эльза получила от сестры письмо: «Любимый Элик! Я знаю совершенно точно, как это случилось, но для того, чтобы понять это, надо знать Володю так, как знала его я. Если бы я или Ося были в Москве, Володя был бы жив… Стрелялся Володя как игрок, из совершенно нового, ни разу не стрелянного револьвера. Обойму вынул, оставил одну только пулю в дуле, а это на 50% осечка. Такая осечка уже была 13 лет назад в Питере. Он во второй раз испытывал судьбу. Застрелился он при Норе (артистка МХАТ Вероника Полонская, в которую тогда был влюблен Маяковский), но ее можно винить как апельсинную корку, о которую поскользнулся, упал и разбился насмерть».

Немедленно в письмах и выступлениях, а потом и в воспоминаниях Эльзы и Лили стала появляться тема: «Патологическая склонность Володи к самоубийству».

Выходило, что Маяковский дважды стрелялся. Причем в обоих случаях был использован принцип гусарской, или русской, рулетки. В обойме пистолета находился только один патрон.

Первый раз это произошло в 1916 году. Маяковский позвонил Лиле Брик и срывающимся голосом сказал:

– Прощай, Лилик! Я стреляюсь…

Спас случай. Не то осечка, не то оружие не сработало.

И Эльза твердила:

– Всю жизнь я боялась, что Володя покончит с собой.

Смысл: ну вот и случилось сие…

Арагон, которому за послушание и успешное претворение в жизнь линии компартии даровано было дотянуть до семидесяти трех, написал о сестрах вскоре после того рокового выстрела Маяковского:

> Вы обе – замыслов моих литые звенья,
> и Лиля рождена для песен, как и ты.
> Поэт ее упал однажды без движенья на черновик стихотворенья,

но песнь его жива – и в ней его черты.

Можно по этому поводу переживать как угодно, но никуда не денешься от двух убийственных признаний, которые сделали Арагон и его жена (сестра Лили Брик) на склоне жизни.

Он: «Я не тот, кем вы хотите меня представить. Моя жизнь подобна страшной игре, которую я полностью проиграл. Мою собственную жизнь я искалечил, исковеркал безвозвратно…»

Она: «У меня муж – коммунист. Коммунист по моей вине. Я – орудие советских властей. Я люблю носить драгоценности, я светская дама, и я грязнуха».

Хоть в данном случае товарищ Вышинский определенно прав: признание обвиняемого – царица доказательств, – а все равно противно!

А вот признание самой Лилечки:

«Жалко себя. Никто так любить не будет, как любил Володик».

Пророческие слова! Пророческие…

Лиля Брик покончила с собой в 86 лет, наглотавшись снотворного. Причина: несчастная любовь.

Ну что тут скажешь… Это многое извиняет.

notes

Примечания

Лиля родилась в 1891 году, Элла – в 1896-м.

2

Пряная девочка (*англ.*).